

ОЧЕРК ИСТОРИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лекции об энциклопедии и методологии истории, которые я читал много раз, начиная с 1857 г., побудили меня записать их тезисно, чтобы дать слушателям подспорье для их усвоения. Так, «Очерк» был напечатан на правах рукописи в 1858 г., а затем снова в 1862 г. Большой спрос, в том числе и из-за границы, натолкнул меня на мысль, что если брошюру будут перепечатывать, опубликовать ее. Задержки и сомнения всякого рода затянули издание до сегодняшнего дня, хотя, как мне казалось, работа была, наконец, доведена до некоторого завершения.

Введение, которое я предпослал первому оттиску, наметив в нем все обсуждаемые вопросы, я и сейчас оставил без изменений. Кроме того, в качестве приложения я добавил несколько статей, которые, как я полагаю, послужат комментарием некоторых положений. Первая, «Возведение истории в ранг науки», написана как рецензия на известную книгу Бокля и напечатана в журнале Зибеля за 1863 г. (с. 1–22). Вторая, «Природа и история», была написана по поводу одной дискуссии, в которой все преимущества метафизической точки зрения были на стороне моего оппонента. В третьей статье «Искусство и метод» я сопоставил ни много, ни мало, как ряд афористических замечаний, чтобы напомнить о несколько подзабытых границах между дилетантизмом и наукой, замечаний, часть которых была использована в академическом докладе («Ежемесячные доклады Королевской Академии наук», 4 июля

1867 [с. 398–403]). Я колебался, нужно ли мне включить четвертую статью, которую я напечатал в 1843 г. всего в нескольких экземплярах в качестве введения ко второй части «Истории эллинизма», чтобы обсудить с друзьями-коллегами именно этот вопрос «Историки», на основании которого, мне казалось, можно подтвердить мою точку зрения, лежащую между теологией и филологией,— дисциплинами, принимавшими непосредственное участие в написании «Истории эллинизма»; я предпочел пока отложить это сочинение, поскольку, как мне казалось, читателя этот вопрос не может заинтересовать так, как меня, а именно какими путями, из какой отправной точки я пришел к тем результатам, которые теперь представлены ему на суд.

Цель этой публикации будет достигнута, если она вызовет интерес и побудит к дальнейшему обсуждению исследуемых ею вопросов: о природе и задаче, методе и компетенции нашей науки.

Берлин, ноябрь 1867

Иоганн Густав Дройзен

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

При новом издании «Очерка» в некоторые параграфы [69, 71, 75] были внесены изменения, но только ради более точной формулировки.

От мысли продолжить «Очерк» и переработать его в настоящий справочник, каковое пожелание мне было высказано, в данный момент пришлось отказаться, поскольку «Очерк» был написан для другой цели.

Что данный «Очерк» не претендует быть «философией истории» и не ищет сущности нашей науки в том, что естественные науки привело к столь блестящим успехам, т. е. в разгадке исторических процессов при помощи «механики атомов», будет рассказано в самом «Очерке».

Берлин, 19-го марта 1875 г.

Иоганн Густав Дройзен

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В этом новом издании «Очерка» были внесены некоторые изменения в расположение материала, что при неоднократном чтении лекций оказалось более целесообразным. Что касается двойных цифр перед некоторыми параграфами, то вторая, заключенная в скобки, указывает на последовательность пунктов в изданиях 1867 и 1875 гг.

То, что данный «Очерк» не претендует быть «философией истории», и почему он не ищет сущности нашей науки в том, что привело естественные науки к столь блестящим успехам, т. е. в разгадке исторических процессов при помощи «механики атомов», будет рассказано в самом «Очерке».

Берлин, 18-го июля 1881 г.

Иоганн Густав Дройзен

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Нельзя не признать, что исторические исследования имеют свое место в живом научном движении нашего века, что они работают, открывая новое, по-новому исследуя старое, излагают подобающим образом найденные результаты.

Но если поставить вопрос об их научном смысле и их отношении к другим формам человеческого познания, обосновании их метода и внутренней связи их задач, то в них не найдешь удовлетворительного ответа.

Не то чтобы они полагали, что им в принципе не нужны подобные вопросы, или они не справляются с ними; время от времени предпринимались попытки решить их, частично внутри самих исторических штудий, частично при помощи других дисциплин.

Всемирной истории было отведено место в энциклопедической философии. Кто-то рекомендовал вопреки логической необходимости развивать ее на основе данных статистики, материальных условий. Другой же, и он высказывает теоретически лишь то, что очень многие полагают или полагали, подвергает сомнению «так называемую историю» вообще: «Народы ведь существуют *in abstracto*, реальны индивиды, а всеобщая история, собственно говоря, есть только случайная конфигурация и не имеет никакого метафизического значения». С другой стороны, наблюдается благочестивое усердие — правда, скорее мнимое, чем благочестивое, — находить для прагматических вещей человеческого мира все новые чудеса Всевышнего и его неиспо-

ведимые определения, учение, которое, по крайней мере, имеет то преимущество, что оно «ничем не обязано рассудку».

В рамках наших исследований уже геттингенгская школа конца XVIII в. занималась всеобщими вопросами; и они с тех пор время от времени обсуждались вновь. Пытались доказать, что история есть «в основном политическая история» и что вокруг этого ядра группируются многие элементарные, вспомогательные и прочие науки, относящиеся к нашему предмету. Затем стали понимать сущность истории в ее методе и обозначать его как «критику источников», как восстановление «чистого факта». Считали главной задачей науки художественное изложение и создание «исторического художественного произведения», и ныне восхваляют как величайшего историка нашего времени того, кто в своем изложении ближе всего подошел к роману Вальтера Скотта.

Чувство истории, заложенное в природе человека, слишком живое, чтобы оно не выразилось в соответствующих формах уже на заре человечества и при удачно сложившихся условиях; и как раз этот естественный такт еще и теперь указывает нашим исследованиям путь и дает им форму. Но претензия науки не может, пожалуй, удовлетвориться этим. Ей надлежит разобраться в своих целях, средствах и основах; только так она может, употребляя выражение Бэкона,¹ устранить антиципации, представления, которые еще господствуют над ее методом, *idola theatri tribus fori specus*,² на сохранение которых направлены не менее значительные интересы, чем те, которые некогда выступали за астрологию и процессы над ведьмами, за веру в благочестивые и нечестивые чудеса, — только так она сможет обосновать свое право на несравненно бóльшую область человеческих интересов, чем она до сих имела и может иметь.

Потребность разобраться в нашей науке и нашей задаче всякий, кому положено учить истории и вводить юношество в ее царство, вероятно, воспринял так же,

как и я, другие сумели удовлетворить эту потребность иначе. Меня влекло к исследованиям особенно таких вопросов, мимо которых обычно проходят, поскольку они кажутся в повседневных занятиях уже решенными.

То, что сегодня является политикой, завтра будет принадлежать истории; то, что сегодня есть сделка, если она достаточно важна, будет считаться у следующего поколения куском истории. Как же из юридических и торговых сделок становится история? Где мера того, что они станут историей? Разве какие-то тысяча лет превращают контракт о купле-продаже, заключенный сегодня между частными лицами, в исторический документ?

Любой скажет, что история является важным средством в деле образования; она является важной составной частью сегодняшнего преподавания. Но почему она является таковой? В какой форме? Разве она не была таковой для греков эпохи Перикла? или в иной форме? скажем, в Гомеровских поэмах? И возможно, национальные поэмы для греков, для Германии поры Штауфенов имели значение исторического преподавания?

Наблюдение за настоящим учит нас, как по-разному, в зависимости от точки зрения, воспринимается, рассказывается, сопоставляется любой факт, как любое действие — в частной жизни не реже, чем в общественной — истолковывается всякий раз по-другому. Человек, осторожный в своих суждениях, будет стараться получить из массы таких различных данных картину происшедшего, желаемого, лишь до некоторой степени точную и достоверную. Разве можно найти более достоверное суждение через сто лет из меньшей массы материалов? Ведет ли критика источников к чему-то большему, чем констатации бывших мнений? Приводит ли она к «чистому факту»?

И если дело обстоит так с «объективным» содержанием истории, что же будет тогда с исторической истиной? Есть ли истина без достоверности? Правы ли те, кто вообще обозначает историю как *fable convenue*?

Некое естественное чувство и несомненное единодушные всех времен говорит нам, что это не так, что в ве-

цах человеческого мира есть внутренняя связь, некая истина, некая сила, которая, чем она больше и таинственнее, тем сильнее провоцирует мыслящий дух познаться с ней и обосновать ее.

Здесь сразу же возникает второй ряд вопросов; вопросов об отношении индивида к этой силе истории, об его месте между ней и нравственными силами, которые наполняют его и влекут, об его обязанностях и его высшем долге; соображения, которые выходят далеко за пределы непосредственной сферы наших исследований, и должны породить уверенность, что их задачи следует обсудить не иначе, как на фоне самого широкого контекста. Не стоит ли рискнуть и предпринять такие дискуссии, исходя из совокупности знаний и выводов, каковые для ревнителя истории возникают на основе его занятий? Неужели историки не могут отважиться по примеру исследователей природы, сделавших такие блестящие открытия, встать на собственные ноги? Если историк, приняв к сведению со своей исторической точки зрения то, что разработали философия, теология, природоведение и т. д., взялся за такие трудные проблемы, то он должен ясно отдавать себе отчет, что он не имеет права заниматься спекуляциями, а должен на основе своего исторического метода продвигаться вперед, отталкиваясь от простого и достоверного базиса, ставшего и познанного.

В исследованиях Вильгельма фон Гумбольдта я нашел те мысли, которые, как мне казалось, открывали новый путь; Гумбольдт казался мне Бэконом исторических наук. О его философской системе мы не будем говорить; но теми качествами, которые античность приписывает величайшему историку ἡ σύνεσις πολιτικὴ καὶ ἡ δύναμις ἐρημνευτικὴ,³ он обладал в высшей степени в удивительном гармоническом сочетании; в его мышлении и исследовании, а также в великолепном знании света и деятельной жизни сложилось у него мировоззрение, в центре которого находится сильное и идеальное чувство этического. Исследуя практические и идеальные образования рода человеческого, главным обра-

зом, языки, он понял «духовно-чувственную природу» человека и силу ее выражения, продолжающую порождать, отдавая и получая, — оба момента, в которых движется нравственный мир, преобразуя, и, двигаясь, преобразует, все снова поляризуя эти моменты, порождает все новые электрические токи.

Отталкиваясь от этой мысли, можно, как мне кажется, глубже проникнуть в суть вопроса нашей науки, обосновать ее метод, ее задачу и в общих чертах развить из познанной ее природы ее форму.

Я попытался сделать это в нижеследующих параграфах. Они родились из лекций, которые я читал об энциклопедии и методологии истории. Для меня было важно дать в этом «Очерке» обзор целого и наметить частное лишь постольку, поскольку это казалось необходимым для понимания и логической связи.

ВВЕДЕНИЕ

I. История

§ 1

Природа и история являются самыми общими понятиями, в которых человеческий ум постигает мир явлений. И он постигает его согласно таким понятиям, как пространство и время, которые он получает, по-своему разлагая неустанное движение чередующихся явлений, чтобы понять их.

Явления разделяются на две группы по пространству и времени необъективно, их так различает наше восприятие в зависимости от того, что нам кажется главным в поведении явлений; пространство или время.

Понятия пространство и время получают определенность и содержание в той мере, как воспринимается, познается, исследуется рядоположенность сущего, временная последовательность ставшего.

§ 2

Неустанное движение в мире явлений позволяет нам воспринимать вещи как находящиеся в стадии непрерывного становления, даже если становление одних, по-видимому, периодически повторяется, а становление других, повторяясь, неустанно растет, возвышаясь и увеличиваясь (ἐπίδοσις εἰς αὐτό).

В тех явлениях, в которых мы видим такое движение вперед, мы считаем главным следование друг за другом, т. е. момент времени.

Мы воспринимаем и обобщаем эти явления как *историю*.

§ 3

Человеческому глазу кажется только человеческое в непрерывном движении вперед и выше, и такое непрерывное восхождение он воспринимает как его сущность и задачу. Общий итог этого неустанного восхождения есть нравственный мир. Только к нему полностью приложимо понятие истории.

§ 4

Наука истории есть результат эмпирического восприятия, опыта и исследования (ιστορία).

Всякий эмпиризм основывается на «специфической энергии» органов чувств, через возбуждение которых мыслящий дух получает не «отображения», а знаки внешних вещей, которые породили это возбуждение. Он развивает для себя такие системы знаков, в которых внешние вещи представляются ему соответствующим образом — мир представлений, в котором он, непрерывно корригируя его в новых ощущениях, расширяя, увеличивая, имеет внешний мир, насколько он может, должен иметь его, чтобы постичь его и властвовать над ним, зная, желая, моделируя.

§ 5

Всякое эмпирическое исследование регулируется по данностям, на которые оно направлено. И оно может быть направлено только на то, что непосредственно присутствует в настоящем для чувственного восприятия.

Данное исторического исследования есть не прошлые времена, ибо они прошли, а еще непреходящее, оставшееся от них в нашем Теперь и Здесь, пусть это будут воспоминания о том, что было и прошло, или остатки бывшего и происшедшего.

§ 6

Любая точка в нашем настоящем есть результат становления. То, чем она была и как она становилась, прошло; но ее прошлое идеально заключено в ней.

Но только идеально, потухшие черты, скрытые отблески, если их не знают, их как бы и не было.

Проницательный взгляд, взгляд исследователя может пробудить их, воскресить, заставить отбрасывать свет в пустую темноту прошлого.

Не былые времена проясняются — их уже нет, а то, что непреходящего от них осталось в нашем Здесь и Теперь. Эти вновь вспыхнувшие отблески предстают перед нашим мысленным взором как их настоящее.

Наш конечный мыслящий дух имеет только момент Здесь и Теперь. Но он развигает тесные рамки своего убогого бытия, дополняя его своим волением и своими упованиями, и движется вперед, а благодаря массе воспоминаний возвращается назад, в прошлое. Так, идеально объединяя в себе будущее и прошлое, он получает аналог вечности.

Он освещает свое настоящее путем созерцания и знания былых времен, у которых нет иного бытия и вечности, кроме как в нем и через него. Воспоминание создает для него формы и материалы его внутреннего мира.

§ 7

Только то, что сформировали дух и рука человека, что они вылепили, чего коснулись, только след человека вспыхивает и виден нам.

Моделируя, формируя, упорядочивая, человек в любом проявлении выражает свою индивидуальную сущность, свое Я. Нам понятно лишь то, что из таких выражений и отображений еще как-либо, где-либо имеется у нас в наличии.

В рукописи этот раздел гласит:

§ 1

История — не сумма происшествий, не общий ход всех событий, а некоторое знание о происшедшем, т. е. происшедшее, которое знают.

Без этого знания происшедшее было бы, как если бы его и не было. Ибо поскольку оно внешней природы, то оно минуло;

только в воспоминаниях, насколько его знает мыслящий дух, оно есть непреходящее.

§ 2

История — результат эмпирического опыта и исследования (ἱστορεῖν).

Вид всякого эмпирического опыта и исследования определяется по данностям, на которые он направлен, и он может быть направлен только на таковые, которые для него имеются Здесь и Теперь для непосредственного восприятия.

§ 3

Данным для исторического опыта и исследования являются не прошлые времена — они минули, — а непреходящее, то, что от них осталось в данный момент, т. е. Здесь и Теперь.

§ 4

Любая точка в настоящем есть точка ставшая, результат становления. То, чем она была и как она становилась, прошло; но ее прошлое идеально есть в ней.

Но только идеально, угасшие черты, латентные отблески. Непознанные, они суть здесь, но как бы их не было. Проницательный взгляд, взгляд исследователя может их пробудить, воскресить, заставить светить, освещая мрак прошлого.

Не былые времена проясняются, а то, что от них осталось в настоящем. Эти пробужденные ото сна отблески суть идеально прошлое, мыслимая картина былых времен.

Конечный ум имеет только данный момент Здесь и Теперь, но его настоящее он освещает своим миром воспоминаний.

§ 5

У природы нет в себе воспоминаний. Только то, что сформировали, преобразовали, чего коснулись дух и рука человека, только след, оставленный человеком, вспыхивает вновь; «повсюду, куда приходит человек со своими муками», есть материал для исследования, есть история.

Моделируя, формируя, преобразовывая, человек в любом своем проявлении оставляет выражение своей самой подлинной сути, а не только οἶον αὐτό (Аристотель. De anima. II, 4.2), и исследователь в таких конгениальных проявлениях находит возможность понимания, исторического исследования (§ 8).

II. Исторический метод

§ 8

Метод исторического исследования определен морфологическим характером своего материала.

Сущность исторического метода — понимание путем исследования.

§ 9

Возможность понимания состоит в конгениальном для нас виде проявлений, которые имеются у нас в наличии в качестве исторического материала.

Она обусловлена тем, что чувственно-духовная природа человека выражает любой внутренний процесс в чувственной восприимчивости, отражает внутренние процессы в любом проявлении. Воспринятое проявление, проецируя внутрь ощущающего субъекта, возбуждает одинаковый внутренний процесс. Слыша крик ужаса, мы ощущаем страх кричащего и т. д.

Животное, растение, вещи неорганического мира мы понимаем только частично, только некоторым образом, по некоторым связям, в которых они, по-видимому, соответствуют категориям нашего мышления. Они не имеют для нас никакого индивидуального, по крайней мере личного, бытия. Понимая и постигая их только по этим связям, мы, не задумываясь, отрицаем их в их индивидуальном бытии, разлагая их, разрушая, употребляя и используя их.

Только по отношению к людям, человеческим проявлениям и формам каждый из нас есть и чувствует себя равным и взаимозависимым; любое Я, замкнутое в себе, открывается в своих проявлениях любому другому.

§ 10

Частное проявление понимается как выражение внутреннего мира, спроецированного на него самого; этот внутренний мир понимается на примере его проявления как центральная энергия, которая, будучи одна и та же в себе, отображается как в любом из ее периферийных действий и проявлений, так и в этом.

Частное понимается в целом, а целое из частного.

Как понимающий субъект, поскольку он есть Я, целостность в себе, так и тот, кого он должен понять, выполняет для себя другого из частного проявления, а частное проявление из его целостности.

Понимание является синтетическим и одновременно аналитическим, индукцией и дедукцией.

§ 11

От логического механизма процесса понимания отличается акт понимания. Последний происходит в описанных условиях как непосредственная интуиция, как будто одна душа погрузилась в другую душу, созидательно, как зачатие при совокуплении.

§ 12

Человек, каков он есть по своим задаткам, становится целостностью в себе только в понимании других, когда его понимают другие, в нравственных общностях (семье, народе, государстве, религии и т. д.).

Индивидуум становится только относительной целостностью; понимая и будучи понятым, он есть лишь один пример и выражение общностей, членом которых он является, сущности и становлению которых он причастен, он сам лишь одно из выражений этой сущности и становления. Совокупность времени, народов, государств, религий и т. д. есть лишь одно выражение абсолютной целостности, которую мы предчувствуем и которой верим, которая для нас вытекает из предложения «*cogito ergo sum*», из уверенности в нашем Я-бытии, для нас наидостовернейшем факте.

§ 13

Ошибочная альтернатива материалистического и идеалистического мировоззрения разрешается в историческом воззрении, к которому нас ведет нравственный мир; ибо сущность нравственного мира есть то, что в нем в любой момент затихает тот антагонизм, чтобы обновиться, и обновляется, чтобы затихнуть.

§ 14

Исходя из объектов и природы человеческого мышления, можно установить три научных метода: спекулятивный (философский и теологический), физический и исторический.

Их сущность: познать, объяснить, понять.

Отсюда старый канон наук: логика, физика, этика; не три пути к одной цели, а три грани одной призмы, когда человеческий глаз в отражении цветов предугадывает вечный Свет, сияние которого он не мог бы вынести.

§ 15

Нравственный мир, безостановочно движимый многими целями, и, в конце концов, как мы предчувствуем и верим, целью целей, есть неустанно становящийся, восходящий в себе все выше (*ad ora ad ora come l'uomo s'eterna*. Данте. Ад. XV, 84).

Рассматриваемый во временной последовательности его движений, он для нас история. С каждым шагом вперед в этом становлении и росте понимание истории расширяется и углубляется, т. е. путь ее постижения и ее понимания; знание о ней есть она сама; неустанно продолжая работать, она должна углублять свои исследования, расширять свой горизонт.

Исторические вещи имеют свою истину в нравственных силах (как естественные — в механических, физических, химических и т. д. «законах»); они являются ее соответствующим претворением в жизнь.

Мыслить исторически — значит видеть в этих реальностях их истину.

III. Задача историки

§ 16

«Историка» не является ни энциклопедией исторических наук, ни философией (или теологией) истории, ни физикой исторического мира и уж тем более не поэтикой историографии.

Она должна поставить перед собой задачу быть органом исторического мышления и исследования.

§ 17

История этой задачи от Фукидида и Полибия до Жана Бодена⁴ и Лессинга.

Суть вопроса во введении к «Языку Кави» Вильгельма фон Гумбольдта.

«Историка» Гервинуса, «Philosophie positive»⁵ Конта, «Структура и жизнь социального тела» Шефле⁶ и т. д.

§ 18

«Историка» охватывает *методику* исторического исследования, *систематику* всего, что можно исследовать при помощи исторического метода, *топику*, изложение исторически исследованного.

МЕТОДИКА

§ 19

Историческое исследование предполагает размышление о том, что и содержание нашего Я есть многократно передаваемый, ставший исторический результат (§ 12). Познанный факт такой передачи есть воспоминание (*ανάμνησις*).

Наше знание есть прежде всего воспринятое, полученное по наследству, наше и как будто не наше. Оно есть следующий шаг на пути к свободному самоощущению и свободному распоряжению этим знанием.

Из целостности того, что у нас имеется, из нашего содержания и нашего самоощущения рождается для нас в нем (§ 10) новое представление целого, части, отдельного момента.

Оно возникает у нас произвольно, оно как бы фактически непосредственно здесь. Но так ли это, как нам кажется? Чтобы быть уверенным в нем, мы должны задуматься о том, как оно возникло; мы должны исследовать, как оно передавалось из поколения в поколение; мы должны его проверить, прояснить, доказать.

I. Эвристика

§ 20

Исходным пунктом исследования является исторический вопрос (§ 19).

Эвристика поставляет нам материалы для исторической работы; она есть мастерство рудокопа: найти руду и подать ее на гору, «труд под землей» (Нибур).

§ 21

Исторический материал есть отчасти то, что имеется еще непосредственно в наличии из того настоящего, понимание которого мы ищем (*остатки*), отчасти то, что от них перешло в представления людей и дошло до нас как воспоминание (*источники*), отчасти вещи, в которых объединены обе формы (*памятники*).

§ 22

В массе *остатков* можно различать:

а) произведения, которым дал форму человек (художественные, технические и т. д., дороги, общинный луг и т. д.);

б) правовые институты нравственных общностей (нравы и обычаи, законы, государственные, церковные распоряжения и т. д.);

в) изложение мыслей, выводов, духовных процессов всякого рода (философемы, литературы, мифологемы и т. д., а также исторические труды как продукт своего времени);

г) деловые документы (корреспонденция, счета, всевозможные архивные документы и т. д.).

§ 23

Остатки, при создании которых для различных целей (украшения, практического пользования и т. д.) имело место также намерение оставить воспоминания для будущего, являются *памятниками*.

Так, например, грамоты, которые должны свидетельствовать в будущем о заключении какой-либо юридической или торговой сделки.

Произведение искусства всякого рода, надписи, медали, в некотором смысле монеты и т. д.

Наконец, любые монументальные отметки для памяти вплоть до пограничного камня, титула, герба, имени.

§ 24

Прошлые времена, воспринятые или понятые человеком, а также сформированные им, дошедшие до нас в *источниках* как воспоминания.

Любое воспоминание, пока оно внешне не зафиксировано (в поэтической речи, в сакральных формулах, в письменной редакции и т. д.), живет и преобразуется вместе с комплексом представлений тех, кто их соблюдает (например, «традиция» в римской церкви).

Лишь количественно отличается достоверность устного и письменного предания.

Восприятие источников может быть либо преимущественно субъективным, либо по возможности деловым (прагматическим). К объективному разряду относятся частично такие источники, в которых восприятие несколько замутнено преобладающей фантазией или чувством (сказание, исторические песни и т. д.), частично такие, в которых деловой элемент служит лишь материалом для всевозможных размышлений и аргументаций (речи в суде, парламенте и т. д., публицистические сочинения и т. д.; проповедник, Данте, Аристофан и т. д.).

В *прагматическом разряде* можно различить отчасти преимущественно реферирующие или комбинирующие, отчасти цель восприятия определяет и вид источников, в зависимости от того, предназначены ли они для всех, для современников или потомков, для обучения, для развлечения или деловых целей.

Так называемые *производные источники* являются мнениями мнений.

§ 25

Различие по значению трех видов материалов вытекает из цели, для которой они будут служить исследователю.

Источники, даже самые великолепные, проливают на наше исследование только, так сказать, поляризованный свет.

Исследователь изучает остатки очень добросовестно, вникая в мельчайшие подробности; чем четче и основательнее он их исследует, тем щедрее, сторицей окупаются его усилия; но остатки являются как бы случайными и разрозненными фрагментами.

Согласно природе материалов у исторического эмпиризма нет того подспорья, каковое имеет физический эмпиризм в наблюдении и эксперименте. То обстоятельство, что настоящее организует всяческие эксперименты и допускает самые подробные наблюдения, дает историческому исследованию компенсацию в виде аналогий, благодаря которым можно прояснить темное неизвестное X.

§ 26

Из исторического вопроса можно понять, какие остатки, памятники, источники следует привлекать для ответа на него.

Искусство эвристики заключается в расширении и дополнении исторического материала, а именно:

- а) путем интуитивных поисков и открытий;
- б) путем комбинирования, которое благодаря правильному упорядочению того, что как бы не является историческим материалом, делает его таковым (например: А. Кирхгоф. История греческого алфавита);
- в) путем аналогии, которая для разъяснения использует похожий ход событий в похожих условиях;
- г) путем гипотезы, доказательством которой является очевидность результата (например, луг в немецких деревнях как выражение древнего общинного порядка).

§ 27

Эвристика, как любая другая методическая деятельность, предполагает постоянное участие других.

Всякое историческое и прочее относящееся сюда знание — как языковое, так и предметное — является для любой из этих деятельностей *вспомогательной дисциплиной*.

II. Критика

§ 28

Критика ищет не «подлинный исторический факт»; ибо любой так называемый исторический факт, помимо средств, связей, условий, целей, которые действовали все одновременно, является комплексом волевых актов, зачастую многих благоприятных и тормозящих развитие волевых актов, которые как таковые минули вместе с настоящим, которому они принадлежат, имеются лишь еще в остатках того, что тогда было сформировано или сделано, или проявляют себя во взглядах и воспоминаниях.

§ 29

Задача критики — определить, в каком отношении находится еще имеющийся материал к волевым актам, из которых он получает свою форму.

§ 30

а) Спрашивается, является ли материал действительно тем, чем его считают, или он лишь стремится считаться таковым. На этот вопрос отвечает *критический метод определения подлинности*.

Доказательство подлинности является полным, если доказаны время, происхождение, цель фальсификации; и подложное, верифицированное таким образом, может стать в ином смысле важным историческим материалом.

Применение критического метода, установления подлинности в определенной сфере материала есть *дипломатика*, проверка подлинности грамот (и других письменных документов) по внешним признакам, в противоположность так называемой *более высокой критике*.

§ 31

б) Спрашивается, является ли еще материал неизменно тем, чем он был первоначально и претендовал быть таковым, или какие изменения в нем можно распознать и не учитывать их. На этот вопрос отвечает *критический метод определения более раннего или более позднего* (диакритический метод).

Результат этого метода, как правило, есть доказательство так называемого «развития» от первых форм к данному образованию, в котором взаимно объясняются и верифицируются анализируемые элементы (Ф. К. Баур).

§ 32

в) Спрашивается, был ли и мог ли быть данный материал тем, доказательством чего он считается и хочет считаться, или уже в момент своего возникновения он мог и хотел быть верным только частично, только неким образом, только относительно. На этот вопрос отвечает *критический метод определения верности*.

Эта форма критики должна поставить данному материалу следующие вопросы:

1. Возможно ли сообщаемое как таковое на основе человеческого опыта?

2. Возможно ли оно в данных условиях и обстоятельствах?

В обоих случаях критический метод проверяет восприятие и его верность по воспринятым объектам.

3. Можно ли распознать в мотивах, целях, личных отношениях некую неверность зрения и мнения?

4. Была ли неизбежна неверность из-за недостаточности средств для наблюдения и восприятия?

В этих двух случаях критика проверяет взгляд и его верность на основе метода, как бы инструмента восприятия.

§ 33

Применение критического метода определения верности к источникам есть *критика источников*.

Если критику источников понимать, как будто она помогает доказать, как один автор использовал другого, тогда это всего лишь случайное средство — одно из многих — решить и подготовить задачу, т. е. доказательство верности.

Критика источников определяет:

1. Что́ этот источник воспринял и воспроизвел в своем изложении (события, сделки, грамоты, более старые источники и т. д.).

2. Какую общую тональность он получил вследствие господствующего тогда и там круга представлений (например, демонологические поверия в XV в., эпигонская бесчувственность в эпоху Александра).

3. Что привнесено в изложение индивидуальностью самого рассказчика (его тенденция, уровень его образования, характер и т. д.).

§ 34

Первоисточник есть не спутанный клубок мнений современников, известий, слухов; все это представляет собой лишь повторяющийся изо дня в день процесс поднимающихся и оседающих испарений, из которых затем возникают источники.

Первое историческое обобщение, как правило, господствует над дальнейшим преданием.

В самом удачном случае оно складывается в *историческом настоящем* событий, которые оно трактует, т. е. прежде чем последствия этих событий изменяют восприятие имевших место фактов и действовавших деятелей, или благодаря новому эпохальному событию родится новое мировоззрение.

§ 35

г) Спрашивается, содержит ли имеющийся в наличии материал еще все моменты, свидетельство которых ищет изыскание, или в какой мере он не полон. На этот вопрос отвечает *критическое упорядочение* верифицированного материала.

Всегда или почти всегда имеется в наличии еще только фрагменты бывших реальностей, только отдельные

мнения о том, что было и произошло. Любой исторический материал имеет лакуны, и даже самое тщательное исследование небезупречно; четкость в обозначении пробелов и возможных ошибок является мерой достоверности исследования.

Критическое упорядочение материала должно иметь в виду не только временную последовательность (*регесты*). Если оно сумеет сгруппировать эти материалы по самым разным аспектам, то пересекающиеся линии дадут нам много твердых точек (например, указатели в Corp. Inscript. Lat.).

§ 36

Результатом критики является не «подлинный исторический факт», а то, что материал подготовлен для получения относительно точного и конкретного мнения.

Добросовестность, не идущая дальше результатов критики, заблуждается, предоставляя дальше работать с ними фантазии, а надобно было бы поискать для дальнейшего исследования правила, которые гарантируют его корректность.

III. Интерпретация

§ 37

Критика не ищет первоисточков, интерпретация не требует их. В нравственном мире ничего нет, что бы не передавалось из поколения в поколение.

Историческое исследование не стремится объяснять, т. е. выводить как нечто необходимое, только как последствие и результат более позднее из более раннего, явления из законов.

Если бы логическая необходимость более позднего была заложена в более раннем, то вместо нравственного мира мы бы имели аналог вечной материи и обмена веществ.

Если бы историческая жизнь представляла бы только новое рождение всегда одного и того же, то она была бы без свободы и ответственности, без нравственного содержания, только органической природы.

Сущность интерпретации — увидеть в былых происшествиях реальности во всей полноте их условий, которые требовали своей реализации и действительности.

§ 38

Точно так же, как при ходьбе объединяются: а) механизм шагающих членов, б) напряжение мускулов, обусловленное ровностью или неровностью, гладкостью, твердостью и т. д. почвы, в) воля, движущая тело, г) цель идущего, ради которой он идет, — так и интерпретация осуществляется на основе этих четырех аспектов.

То, что односторонне выделяют тот или другой аспект, признают его существенным, исключительно определяющим, являются источником многих теоретических и практических ошибок, является доктринерством (§ 92).

§ 39

а) *Прагматическая интерпретация* воспринимает установленное критикой положение дела, т. е. верифицированные критикой и упорядоченные остатки и мнения некогда действительного хода вещей согласно причинно-следственной связи, заложенной в его природе, чтобы реконструировать картину действительных событий.

При обилии материала достаточно простого *демонстративного* метода.

При недостатке материала известная нам по аналогичным случаям природа вещей ведет к аналогии, т. е. к уравнению с известным и этим **X**.

Аналогия между двумя **X**, поскольку они взаимно дополняют друг друга, становится *компаративным* методом.

Условием внутренней связи, в которой фрагментарно наличествующее проявляет себя как подходящее в логику этой связи и подтверждается очевидностью, является *гипотеза*.

§ 40

б) *Интерпретация условий* основывается на том, что условия содержались идеально в некогда действительном положении дел, которое было возможным благодаря им и стало таковым, и хотя бы фрагментарно еще присутствует в мнениях и остатках (например, некрасивая сама по себе поза Боргезийского борца показывает линию поля фронтона, для которого статуя была предназначена).

Условия пространства — помимо бесчисленных мелочей — объясняются из географии (театр военных действий, поле битвы, естественные границы и т. д., образование долины Нила в Египте, болотистых маршей у Северного моря и т. д.).

Условия времени можно разложить на ставшее состояние, в которое вступил факт, и на одновременные события, которые более или менее оказывают основное воздействие на факт.

Третий разряд условий образуют *средства*, как материальные, так и моральные, при помощи которых стал возможным и реализовался данный ход вещей.

В сфере материальных средств находится многообразие материалов и инструментов, тем самым огромное, почти еще не тронутое поле *технологической интерпретации*; в сфере моральных средств — страсти человеческие, настроения масс, господствующие над ними предрассудки и мнения и т. д.; полководец, государственный деятель, художник, который хочет воздействовать на них и через них, в равной степени определяется ими.

§ 41

в) *Психологическая интерпретация* ищет в положении дел волевые акты, которые его породили.

Она может познать волящего и энергию его *воли*, поскольку он вмещивается в контекст этого положения дел, его интеллектуальную энергию, поскольку она определила его. Но ни волящий не растворился полностью в этом одном положении дел, ни то, что стало, не

возникло только благодаря его силе воли, его интеллекту; это не есть ни чистое, ни целое выражение его личности.

Личность как таковая имеет свое мерило не в истории, не в том, что она там совершает, делает или терпит. За ней сохранена ее собственная, самая сокровенная сфера, в которой она — бездарная или богато одаренная, значительная и влиятельная или бесталанная — общается сама с собой и со своим богом, в которой есть подлинный источник ее воления и бытия, в которой совершается то, что оправдывает ее перед собой или Богом, или обрекает на проклятие. Для индивида самое надежное из того, что он имеет, есть истина его бытия, его *совесть*. В это «святая святых» не проникает взор исследователя.

Хотя человек и понимает человека, но лишь периферийно; он воспринимает поступок, речь, мимику другого, но не может доказать, что он правильно понял его, совершенно понял. Совсем иное дело, когда друг *верит* в друга, когда в любви один человек определяет истинное Я другого как его образ: «Таким ты должен быть, ибо так я тебя понимаю». Это — таинство любого воспитания.

Поэты — например, Шекспир — развивают из характеров действующих лиц ход изображаемых ими событий; они сочиняют психологическую интерпретацию событий. Но в реальности действуют еще иные моменты, а не только личности.

Вещи идут своим ходом вопреки злой или доброй воле тех, благодаря которым они совершаются.

В нравственных силах есть непрерывность истории, ее труд и поступательное движение (§ 15); к ним причастны все, каждый на своем месте, имеет свою долю; благодаря им в истории живет и самый незначительный и бедный вместе со всеми.

Но и самый гениальный, обладающий сильной волей, самый могущественный есть только момент в этом движении нравственных сил, все же на своем месте, особенно характерный и действенный. Как таково-

го, и только как такового, воспринимает его историческое исследование, не ради его персоны, а ради его места и труда в той или иной из нравственных сил, ради идеи, носителем которой он был.

§ 42

г) *Интерпретация идей* заполняет пробел, который оставляет психологическая интерпретация.

Ибо индивидуум строит себе свой мир постольку, поскольку он причастен к нравственным силам. И чем он прилежнее и плодотворнее строит, будучи на своем месте и в отпущенный ему промежуток жизни, тем больше вперед движет он общности, в которых он жил и которые жили в нем, тем больше служил своей долей нравственным силам, которые его переживают.

Без них человек не был бы человеком; но и они становятся, растут и поднимаются лишь в общем труде людей, народов, времен, в шествующей неустанно вперед истории, становление и рост которой есть ее развертывание.

Этическая *система* какого-либо времени есть лишь спекулятивный вариант и обобщение до сих пор развернутого, лишь попытка сложить его по его теоретическому содержанию и высказать его.

Любое время есть комплекс реализаций всех нравственных сил, как бы высоко или низко ни было их развертывание, как бы ни было еще скрыто более высокое в более низком (государство в форме семьи и т. д.).

§ 43

В разнообразии нравственных сфер, в которых коренится и движется жизнь человека, исследование находит ряд вопросов, с которыми оно приступает к имеющемуся в наличии материалу, чтобы его интерпретировать по его этическому содержанию.

Мы можем это проделать в двух вариантах:

а) либо мы наблюдаем в тех материалах *состояние* нравственных образований, каковые сложились в том настоящем и еще до него, и получаем таким образом

этический горизонт, внутри которого находилось все, что было и произошло в это время у этого народа и т. д.; и тем самым меру любого отдельного процесса в то время, у того народа и т. д.;

б) либо мы ищем и устанавливаем *моменты, шествующие в этом состоянии вперед*, и, сопоставляя их с тем состоянием, куда они привели, как они исполнились, мы получаем то, что нам объясняет *движение* в том времени, у того народа, стремления и поиски людей того времени, их победы и поражения.

§ 44 (43)

В этом движении вырывается вперед то та, то иная нравственная сила, — часто далеко вперед, как будто речь идет лишь о ней, как будто все зависит от нее — как *идея* этого времени, этого народа, этого человека, направляя воспламененные умы, властвуя над ними, побуждает их сделать следующий, по существу иной шаг.

Идея (комплекс идей), которую показывает интерпретация в ходе событий, есть для нас истина этого хода событий. Этот ход событий есть для нас действительность, форма проявления этой идеи. В этой идее мы понимаем происшествие; мы понимаем из него эту идею.

В верности методически полученных фактов идея хода событий должна пройти испытание, а ход событий — оправдать эту идею.

Ибо для нас является истинной та идея, которой соответствует какое-либо бытие, истинным — то бытие, которое соответствует какой-либо идее.

СИСТЕМАТИКА

§ 45 (49)

Область исторического метода есть *космос нравственного мира*.

Нравственный мир в любом своем неустанно движущемся настоящем есть бесконечный клубок сделок, социальных порядков, интересов, конфликтов, страстей и т. д. Его можно рассматривать с множества точек зрения: технической, религиозной, политической и т. д. — и научно трактовать.

То, что в нем происходит повседневно, ни один разумный человек не делает, полагая, что он вершит историю. Лишь определенный образ созерцания последующих поколений «делает из юридических и торговых сделок историю».

Воспринимать нравственный мир по мере его становления и роста, по временной последовательности его движения — значит воспринимать его исторически (§ 15).

§ 46 (50)

Тайна всякого движения есть его цель (τὸ ὄθεν ἢ κίνησις).⁷ Наблюдая шествие вперед нравственного мира в его движении, познавая его направление, замечая, как исполняется и раскрывается одна цель за другой, историческое восприятие делает вывод (§ 12) о цели целей, в которой завершается движение и в которой то, что движет мир людей, заставляя его неустанно спешить, есть покой, завершение, вечное настоящее.

§ 47 (52)

Человек по своему «богоподобию» на отпущенный ему отрезок земной, конечной жизни должен быть бесконечным субъектом, целостностью в себе, мерой и целью самому себе; но в отличие от божества, которое есть и начало самого себя, человеку надо сначала стать тем, чем он должен быть.

Лишь в нравственных общностях человек становится человеком; нравственные силы формируют его (§ 12). Они живут в нем, и он живет в них.

Появившись на свет в уже готовый нравственный мир — уже первый ребенок имел отца и мать, — чтобы быть сознательным, свободным, ответственным, человек создает для себя — каждый в своей доле (§ 42), — в нравственных общностях и из них свой малый мир, ячейку своего Я.

Каждая ячейка, обусловленная и поддерживаемая соседними с ней, обуславливает и поддерживает их; все вместе они представляют собой неустанно растущее строение, поддерживаемое и обусловленное бытием малых и самых малых частиц.

§ 48 (53)

Строя и формируя в своих индивидах, становясь в процессе труда, человечество создает космос нравственного мира.

Его дело без неустанного роста и становления его нравственных общностей, без истории было бы как гора скорлупок инфузорий.

Его труд был бы, как песок дюн, бесплоден и носился бы по ветру без цели, не сознавая непрерывности, без истории.

Его непрерывностью был бы лишь повторяющийся круговорот без знания целей и наивысшей цели, без теодицеи истории.

§ 49 (54)

Нравственный мир следует рассматривать исторически:

I. сообразно тем *материалам*, из которых он что-либо формирует;

II. сообразно тем *формам*, которые он принимает;

III. сообразно тем *труженикам*, благодаря которым он возводится;

IV. сообразно тем *целям*, которых последние достигают в своем движении.

I. Историческая работа сообразно ее материалам

§ 50 (55)

Материал исторического труда есть *данное* природой и исторически ставшее; и то и другое вместе — его условие и средство, его задача и граница.

Неустанное расширение набора его материалов есть мера его восхождения.

§ 51 (56)

а) Исследуя и познавая природу, господствуя над ней и преобразуя ее для целей человека, труд возводит в нравственную сферу и окутывает земной шар *aerigo nobilis*⁸ человеческого воления и умения.

(Открытия, изобретения и т. д.; возделывание земли, полеводство, горное дело и т. д.; приручение, разведение животных и т. д.; изменение земель и ландшафта путем переселения растений, животных и т. д.; цикл естественных наук и т. д.)

§ 52 (57)

б) *Тварного человека* труд заставляет «в поте лица своего» в процессе познания становиться тем, что он

есть по своим задаткам, и в процессе становления познавать это; он делает из *genus homo* исторического, т. е. нравственного человека.

(Антропология, этнография; вопрос о расах, смешение рас, распространение рода человеческого по земле и т. д.)

§ 53 (58)

в) Возникшие *человеческие образования*, результаты исторического труда (порядки) все снова и снова становятся для него нормой, стимулом и средством для нового труда.

(Статистика. Потребности и общение и т. д. Так называемая история культуры.)

§ 54 (59)

г) Из целей людей, их задушевности и страсти, которые определяют их жизнь, он формирует свои движущие силы, свои соблазны, свое воздействие на массы.

(Дух нации, партикуляризм, фанатизм, соперничество и т. д.)

II. Историческая работа сообразно ее формам

§ 55 (60)

Формами, в которых движется исторический труд, являются нравственные общности, первообразы которых в качестве *нравственных сил* хранятся в сердце и совести человека.

В нравственных силах заложена воспитательная сила истории. И всякий причастен к жизни истории в той мере, в какой он причастен к ним (§ 41). Человеческие отношения являются нравственными в той мере, в какой они воспитывают; и они воспитывают настолько, насколько силен в них нравственный элемент.

Любая из этих нравственных сил создает свою сферу, свой мир для себя, замкнутый в себе, требуя от каждого выступать вместе за нее и работать на нее, а также формировать и утверждать в ней свое нравственное значение.

Индивидуум есть не атом человечества, одна из молекул, бесконечное число которых составляет человечество. Он принадлежит этой семье, этому народу, этому государству, этой вере и т. д., существует только как их живой член, «как рука, отделенная от тела, уже не рука».

Учение о естественных правах человека выходит за пределы собственных предпосылок, оно забывает, что без долга нет права, что в каждом индивиде были исполнены тысячи обязательств, прежде чем он смог завоевать право.

§ 56 (61)

Общности, если учитывать сущность человека, возникли либо из естественной потребности, либо из идеальной, или из той и другой одновременно.

Будучи нравственными силами, они имеют как по отношению к себе, так и к другим и всем свое становление, свою историю.

§57 (62)

А. В естественных общностях естественное должно быть облагорожено первым волеием, любовью, верностью, долгом и т. д.

То, что из естественной потребности становится душевное содружество; из естественного побуждения — волеие и долженствование, и постоянные узы, отличает человека от животного.

§ 58 (63)

а) *Семья*. В теснейшем пространстве, в самых тварных формах — самые сильные нравственные связи, самые глубокие предопределения. — Ступени развития

брака до моногамии. Отцовская власть. Очаг. Так называемый патриархат. Кровная месть.

§ 59 (64)

б) *Соседство*. Первые трения в пространственном существовании. Основание общин как большой семьи. Старейшины; община — марка, общинный луг и т. д.

§ 60 (65)

в) *Племя*. Родство не φύσει, а θέσει. Герой племени, gentilia sacra и т. д. Рода и кланы (cognationes et propinquitates, рода и ветви).

§ 61 (66)

г) *Народ*. Естественное государство, естественная религия и т. д. Языческая этническая эпоха. Консервативность и подвижность народных типов. Так называемая психология народов. «Демология». Принцип национальности.

§ 62 (67)

Б. В *идеальных общностях* духовное, проявляясь, должно вступать в реальности, чтобы таким образом стать другим, доступным и понятным, связью между умами, общим достоянием.

§ 63 (68)

а) *Речь и языки*. Всякое мышление есть говорение, движение в готовых формах, даже если оно их развивает дальше. Звуковой мимесис есть не только звукоподражание, но и перевод ощущений в звуковое выражение. — Последовательность языкового развития в богатстве форм, усложнении синтаксиса, специализации лексики. Следовательно, «жизнь языка» никак не «прекращается, когда начинается жизнь истории» (Шлейхер). Звук и письмо. Различие в образе мышления языков с фонетическим письмом и иероглифическим (офтальмические языки).

§ 64 (68)

б) *Прекрасное и искусства*. Художественный мимисис есть не только слепок, отражение, отзвук, но и воспроизведение душевного впечатления вплоть до иллюзии того или иного чувства (танцовщица, танцующая весну). Идеал и утешительность иллюзии (Румор).⁹ Техническое и художественное.

§ 65 (70)

в) *Истинное и науки*. Научная истина. Важность методов. Сущность скепсиса, доктрины, гипотезы и т. д. Номинализм и реализм и т. д.

§ 66 (71)

г) *Святое и религии*. Любая религия — выражение скудости и беспомощности конечного бытия и потребность чувствовать себя заключенным вместе со всеми в бесконечное бытие; — одно из выражений предчувствия божества, надежды на исцеление и благо, даруемые им, истины вечного, совершенного, абсолютного. Вера и культ. Религия и теология. Священная история в любви религии.

§ 67 (72)

В. В *практических общностях* движутся борющиеся и спорные интересы, всегда одновременно и связанные, и движимые естественными потребностями, всегда безудержно стремясь вперед и ссылаясь на идеальные цели или результаты, хотя только под натиском готового по-земному состояния, насыщенного по-земному покоя.

§ 68 (73)

а) *Сфера общества*. Общество претендует на то, чтобы предоставить каждому место, где для него исполняются нравственные общности, и он исполняет их.

Различия по классам, крови, образованию, имуществу. Происхождение и нравы; инертные элементы; партии; общественное мнение и т. д. Социальная республика.

§ 69 (74)

б) *Сфера благосостояния.* Материальная жизнь претендует на то, чтобы охватить и определить все условия и средства, в которых нуждаются нравственные общности.

Заработок и конкуренция, капитал и труд, богатство и бедность. Натуральное хозяйство и денежное хозяйство. Движение стоимостей, развитие кредита. Плутократия и трудящиеся классы и т. д. Государство как коммунизм.

§ 70 (75)

в) *Сфера права.* Право претендует на то, чтобы регулировать и обосновывать все формы, в которых движутся нравственные общности.

Область применения права. «Право должно все же оставаться правом»; но и оставаться только правом. Разные виды его обоснования, его применения, его дальнейшего развития и т. д. Правовое государство.

§ 71 (76)

г) *Сфера власти.* Государство претендует на то, чтобы быть совокупностью, общим организмом всех нравственных общностей, их общим пристанищем и прибежищем и тем самым их целью.

Государство является публичной властью для защиты и обороны внутри страны и вовне.

В жизни государства и государств власть есть таким образом главное, как любовь в сфере семьи, вера в сфере церкви, прекрасное в сфере искусства и т. д. В мире политики действует закон власти, как в физическом мире — закон тяготения. «Повозка длиною в пядень — вовсе не повозка» (Аристотель).

Только государство имеет полномочия и обязанности быть властью. Там, где место власти занимает право, благосостояние, общество, даже церковь, народ, община, сущность государства либо еще не найдена, либо потеряна в процессе деградации.

Власть превыше всего тогда, когда ее в полную силу питает труд, здоровье и свобода всех нравственных сил. Государство, как любая другая нравственная сила, не только относится ко всем другим, но и в своей сфере охватывает их всех, под его защитой и правом, под его покровительством и ответственностью все движутся к его благу либо гибели.

Государство не является ни суммой индивидов, которых оно охватывает, ни возникает из их воли, ни существует ради них.

Чем суровее форма государства, тем у него больше насилия, а не власти, тем беднее оно свободой.

Из этнографического хаоса кристаллизуется одно государство за другим. Их взаимоотношения движутся от *adversus hostem aeterna auctoritas esto*¹⁰ к договору и мирному общению, к международному праву. Федеративное государство, союз государств, система государств, всемирная система государств являются все шире расходящимися кругами волн, исходящих из этого движения.

III. Исторический труд сообразно его исполнителям

§ 72 (77)

Все образования и перемены в нравственном мире совершаются благодаря волевым актам, как в органическом мире все образуется из клетки.

Когда мы говорим: «Государство, народ, церковь, искусство и т. д. делают то-то и то-то», то мы имеем в виду «благодаря волевым актам».

§ 73 (78)

Каждый человек есть нравственный субъект; только благодаря этому он человек. Он должен строить для себя свой нравственный мир (§ 47).

Каждый индивидуум представляет для нас бесконечный интерес как ставшая и становящаяся личность, ведь и поэзия (роман) неустанно следит и использует этот интерес.

И самые близкие отношения между людьми, их устремления и повседневные занятия и т. д. имеют свое развитие, историю для тех, кого это касается (история семьи, определенного места, специальности).

§ 74 (79)

Как это супружество, это произведение искусства, это государство относится к идее семьи, прекрасного, власти, так и эмпирическое Я (§ 55) относится к тому Я, в котором мыслит философ, творит художник, судит судья, исследует историк.

Это всеобщее Я человечества есть субъект истории. История есть *ἡ νοητή σαυτοῦ* человечества, его совесть.

§ 75 (80)

Пuls жизни исторического движения есть *свобода*.

Слово «свобода» в разные времена понимали по-разному; сначала оно имеет лишь отрицательное значение.

Свобода значит, что тебе не препятствуют в участии и общезитии в любой из нравственных сфер, что тебе одна не мешает быть в другой, не наносит вреда, что ты не исключен ни из одной из них.

Любая из этих сфер претендует на каждого целиком, нередко исключительно. В коллизии обязанностей, в ее всегда болезненном протекании и часто потрясающем исходе конечная природа человека покоряется постулату свободы.

§ 76 (81)

Проблема исторической жизни движется не в пределах ложной альтернативы свободы и необходимости.

Необходимое есть противоположность произволу, случайности, бесцельности, есть неодолимое *долженствование* добра, есть нравственное.

Быть свободным — значит не терпеть произвола, не быть безвольным, безъяким, значит непреодолимое *воление* добра, т. е. нравственное.

Высшая свобода — значит жить ради наивысшего добра, ради цели целей (§ 46), к которой направлено движение всех движений — и ее наука есть история. Отсюда «царская полная свобода нравственного человека» (Фихте); отсюда слова посвящения: «Perch'io te sopra te corono e mitrio» (Данте. Чистилище. XXVII, 142).¹¹

§ 77 (82)

Всякое движение в историческом мире происходит благодаря тому, что из институциональностей развивается идеальный аналог, *идея*, каковыми они должны быть, *характеры*, исполненные этой идеей, осуществляют его.

Эта наполненность идеей есть страсть (*πάθος*), которая, действуя, становится ответственной и виновной, как гласит древнее изречение *δράσαντι παθεῖν*.

§ 78 (83)

Идеи суть критика того, что есть и чего нет, каковое должно бы быть. Тем, что они, осуществившись, превращаются в новые порядки и становятся привычкой, инертностью и неподвижностью, снова необходима критика и так далее и так далее.

Непрерывность этих идей — *λαμπάδα εχοντες διαδώσουσιν ἀλλήλοις*¹² — есть диалектика истории («Философия истории» Гегеля).

§ 79 (84)

То, что из социальных порядков возникают новые идеи, из идей — новые порядки, есть результат труда людей.

Многие, живя лишь ради своих интересов и будничных дел, ради настоящего, ориентируясь на будничные мелочные цели, следуя привычке, вовлеченные в общий поток, руководствуясь ближайшими поводами, работают, не имея выбора и воли, несвободно, как мас-

са. Они являются шумящими тирсофорами в праздничной процессии Бога.

Предчувствовать в движении нравственного мира новые идеи, осуществлять их есть *историческое величие*, «давать имя катящемуся времени» (Шиллер).

IV. Труд истории по его целям

§ 80 (85)

Всякое становление и рост есть движение к цели, которая, исполняясь в движении, хочет прийти к самой себе (§ 46).

В нравственном мире цель за целью нанизываются в бесконечную цепь из звеньев.

Любая из этих целей сначала имеет свой путь и свое становление для себя; но каждая есть обуславливающая другие и одновременно обусловленная ими.

Довольно часто они препятствуют, мешают, противостоят друг другу; часто появляются то здесь, то там, иногда отступая, но всегда только для того, чтобы затем продолжить работу с еще большим напором, возрастающей силой напряжения, на новом месте, в новой форме, каждая, подгоняя других, есть одновременно гонимая ими.

§ 81 (86)

Высшая цель, безусловно обуславливающая, движущая всех, включающая всех, объясняющая всех целей (§ 15) есть та, которую нельзя эмпирически исследовать.

Из самоуверенности нашего Я-бытия (§ 12), из стремления нашего нравственного долженствования и воления (§ 76), из жажды совершенства, единого, вечного, в котором наше убогое, эфемерное, фрагментарное бытие чувствует себя восполненным тем, чего ему не хватает, для нас возникает, помимо иных «доказательств существования Бога», самое что ни на есть для нас доказательное.

Зло тяготеет над бранным мыслящим духом, есть тень его обращенной к свету бренности. Оно относится к деятельности исторического движения, но «как исчезающе малое в процессе хода вещей и обреченное на гибель».

§ 82 (87)

То, что для животных и растений есть их родовое понятие, — ибо род есть *ἴνα του αἰ και του θείου μετεχ-ωσι*,¹³ — вот что есть для людей история.

Этика есть учение о нравственных силах, не только о личном отношении к ним и поведении в них.

Этика и историка являются как бы координатами. Ибо история дает генезис «постулата практического разума», какового не может отыскать «чистый разум».

§ 83 (88)

История есть путь к сознанию и сознанию человечества самого себя.

Эпохи истории являются не возрастом этого Я человечества, — эмпирически мы не знаем, стареет ли оно или молодеет, знаем только одно: что оно не остается таким, каким оно было или есть — а стадиями его становления, миропознания, познание Бога.

§ 84 (89)

По мере прохождения этих стадий растет человеческое понимание цели целей, тоски по ней, пути к ней.

То, что с каждой стадией расширяется, восходит, углубляется это понимание, которое — и только оно — может считаться поступательным движением человечества.

§ 85 (90)

От земного взора скрыты начало и конец. Но он может путем исследования познать направление текущего движения. Ограниченный тесными рамками настоящего, Здесь и Теперь, он видит, Откуда и Куда мы идем.

Он видит то, что он видит, исполненный светом, в котором и из которого есть всё; и его видение есть отсвет того Света.

Сияние этого Света он не вынес бы; но в пронизанных Светом сферах, которые открываются ему, заостря взгляд и воспаляя его, он предчувствует все более далекие дали, все более обширные эмпирии.

Одна из этих сфер есть человеческий мир и его история, и исторически великое есть солнечная пылинка в Богоявлении.

§ 86 (91)

История есть знание человечества о себе, его уверенность в себе.

Она — не «свет и истина», но поиски их, проповедь о них, посвящение им, подобно Иоанну-Крестителю: «οὐκ ἦν το φῶς ἀλλ ὅτι μαρτυρήσῃ περὶ τοῦ φωτός». ¹⁴

ТОПИКА

§ 87 (44)

Как все, что движет наш мыслящий дух, требует ответственного выражения, в котором он оформляется, так и исторически исследованное нуждается в формах изложения (ιστορίης ἀλοόδειξις, Геродот), чтобы в них исследование как бы давало отчет о том, что оно хотело и чего достигло.

§ 88

Формы изложения определяются не по аналогии эпоса, лирики, драмы (Гервинус), не по отличию «определенных во времени и пространстве действий свободного человека в государстве» (Ваксмут), не по случайным всевозможным хроникам, достопримечательностям, картинкам из старины, историям (quibus rebus agendis inter fuerit is qui narret, А. Геллий), а из двойственной природы исследованного.

Ибо исследование, которое умеет получить представление о происшествиях и порядках былых времен, исходя из настоящего и из некоторых имеющихся в нем налицо элементов, которые оно использует как исторический материал, есть одновременно и то и другое: обогащение и углубление настоящего путем прояснения былых времен, и прояснение прошлых времен путем открытия и развертывания того, что из них имеется в настоящем, зачастую еще в довольно скрытом виде.

Но всегда, каким бы плодотворным ни было исследование, полученные им представления далеко не совпа-

дают с многообразием содержания, движения, реальной энергии, которыми обладали вещи, когда они были настоящим.

И всегда, какую бы форму ни выбирали для изложения полученных результатов исследования, это изложение лишь частично, лишь неким образом, с некоторых точек зрения сможет и будет соответствовать бытию вещей, каковое проявилось в их настоящем и в тогда живущих и действующих людях, здесь уместно сравнение с картографическим изображением.

§ 89

Историческое изложение долго довольствовалось тем, чтобы пересказывать содержащиеся в устных и письменных источниках мнения в более или менее новом восприятии; и такую полученную иллюзию дошедших до нас фактов затем считали, что это и есть история (например, как будто период диадочов был сплошной непрерывностью войн, поскольку наши источники говорят почти исключительно о войнах этого времени).

Лишь с тех пор, как стали изучать памятники и остатки в качестве исторического материала и методически их использовать, исследование былых времен начало проникать глубже и достоверно обосновывалось. Ис пониманием больших белых пятен нашего исторического знания, которые исследование еще не может или уже не может заполнить, ему открываются все новые дали неоглядные изучаемых им сфер и их некогда живого наполнения.

Изложение исследованного будет более достоверным, если оно будет уделять больше внимания тому, что ему неизвестно, чем уже известному.

§ 90 (45)

а) *Исследовательское изложение* использует форму исследования, чтобы изложить исследованный результат.

Оно есть не реферат или протокол хода действительного исследования со всеми его ошибками, заблужде-

ниями и провалами; оно создает впечатление, будто еще только предстоит найти или нужно искать то, что уже найдено в исследовании. Оно есть мимесис поисков или нахождения; есть два пути: либо оно, исходя из неизвестного: вопроса, дилеммы, — *ищет* достоверный результат подобно тому, как поступает прокурор, произнося речь в суде, пытаясь доказать так называемое субъективное положение дела из объективного; либо оно, исходя из достоверных улик и следов, находит все новые моменты, пока, наконец, перед ним не возникает связная и полная картина, например, так поступает следователь, который должен из так называемого объективного положения дела составить субъективное.

Первый вариант есть более убедительный, настоящий, последний — более наглядный и увлекательный, для того и другого важно, чтобы случайно привлеченная уйма не относящихся к делу подробностей не стала доказательством скорее ученой спеси автора, чем дела.

§ 91 (46)

б) *Повествовательное изложение* подает исследованное как ход событий, как мимесис его становления; оно формирует из исследованного материала картину генезиса того, на что направлено исследование.

Мнение, будто здесь говорят только исключительно «объективно» сами «факты», иллюзорно. Факты были бы немы без рассказчика, который заставляет их говорить.

Не в «объективности» заключена репутация историка.

Похвалой ему является то, что он пытается понять.

Повествовательное изложение возможно в четырех формах:

1. *Прагматическая* форма показывает, как предполагаемый или predetermined судьбой результат стал благодаря движению вещей, сходящемуся в этой точке, мог и должен был возникнуть.

2. *Монографическая форма* показывает, как историческое образование в своем становлении и росте обосновало, углубило, досконально изучило само себя, как бы породило гения.

3. *Биографическая форма* показывает, как гений исторического деятеля с самого начала определил его поступки и страсти, проявил и засвидетельствовал в нем себя.

4. *Катастрофическая форма* показывает силы, направления, интересы, партии и т. д., имеющие свою относительную правду, в борьбе, в которой более высокая идея, моментами и сторонами которой оказываются враждующие противоположности, одерживая победу над ними и примеряя их, подтверждается и исполняется. Она показывает, как из борьбы титанов возник новый мир, родились новые боги.

§ 92 (47)

в) Дидактическое изложение облакает исследованное в идею великой исторической непрерывности, исходя из его значения, поучительного для настоящего.

История является поучительной не потому, что она дает образцы для подражания или правила для повторного применения, а потому что ее мысленно пережили и прочувствовали; «*c'est un répertoire d'idees qui fournit de la matière que le jugement doit passer au creuset pour l'éripurer*» (Фридрих Великий. Oeuv. IV, p. XVII).

Такое упражнение ума и сердца есть образование, военное, юридическое, техническое, если оно направлено на такие профессии; всеобщее образование, если целью его является упражнение и развитие в нас не того или иного единичного и технического, а всеобщее человеческого (*humanitas*); ибо «*путь, по которому род людской идет к своему совершенству, должен пройти каждый отдельный человек*» (Лессинг).

В идее *воспитания рода человеческого* образование получает свои формы — помимо специальной и технической — и свои сюжеты из истории (§ 6). И то, что великие движения истории происходят в малой сфере ти-

пических формаций, самые великие еще в меньшей сфере, делает возможным дидактическое использование как для более высоких и высочайших потребностей, так и для элементарных.

Есть ли формы исторического изложения для этой цели? Являются ли образцом этого вида исторического восприятия исследования всемирной истории Гердера или Шлёцера, Иоганнеса фон Мюллера или Лео, или Ранке?

Ценность проповеди в евангелической церкви будут измерять не по напечатанным проповедям, уж тем более не пожелают, чтобы наконец был установлен канон проповедей, который обеспечит на каждой неделе образцовую воскресную речь с церковной кафедры. Напротив, любая проповедь должна быть новым свидетельством живого евангелического духа нашей церкви; и пока община находит в ней утешение, она пребудет таковой.

Настоящая форма дидактического изложения есть *преподавание истории* юношеству, а именно уроки учителя, который, свободно ориентируясь в исторических сферах, проводя исторические исследования, подает историю во все новых вариантах, по-новому ее излагая, и свидетельствует о духе, который движет и наполняет историческую жизнь.

§ 93 (48)

Дискуссионное изложение имеет дело с массой исследованного материала, оно, как бы собирая эти огоньки в вогнутом зеркале, направляет их на определенную точку настоящего, освещая ее так, чтобы ее прояснить, на вопрос, который надо решить, на альтернативу, где надо сделать выбор, на новое явление, которое надо понять.

Всякое новое — не только политические факты, но и новые открытия, новые достижения искусства и науки и т. д. — исторический комментарий и сравнение должны включить в ход поступательного движения и труда (научная, эстетическая, публицистическая и т. д. критика).

Моменты, подлежащие доказательству, в дискуссии заключаются частично в субъекте, о котором идет речь — следовательно, эта нация, эта власть, эта церковь и т. д. в своих предшествующих исторических обстоятельствах определены так или иначе (например, знаменитое изречение: «sint ut sunt aut non sint») — частично, в вещах, которые оказывают обуславливающее и определяющее воздействие, как и вообще в любом мгновенном положении дел нужно найти, растолковать и использовать другие определяющие его моменты по его историческому контексту.

Сущностью истории является то, что она результату всех сложенных условий и разработок придает форму и право нормативного завершения, принципа. Чем меньше моментов она обобщила, чем одностороннее выделено то или иное, тем более доктринерской она становится, тем более, если соответствующий движущий момент, сделавший следующий шаг, был гениальной природы (§ 43), только для этого случая, при этих обстоятельствах, для этой цели, здесь и теперь.

Каждое государство имеет свою политику, внутреннюю и внешнюю. Дискуссия — также в прессе, в государственном совете, в парламенте — является тем надежнее, чем она историчнее, тем пагубнее, чем больше она основывается на доктринах, на *idola theatri, fori, specus, tribus*.

Практическое значение исторических исследований заключается в том, что они — и только они — дают государству, народу, армии и т. д. *образ самого себя*.

Изучение истории есть основа политического воспитания и образования. Государственный деятель есть историк-практик.

Государство есть лишь самый сложный из организмов нравственных сил; любое большое предприятие, любой институт требуют подобного дискуссионного самоконтроля; например, церковное правление, руководство промышленными предприятиями, организация научной экспедиции и т. д.

§ 94

Имея такую форму изложения, наша наука вступает в обширные сферы, где она не должна забывать обосновывать свою компетенцию, — так же, как естественные науки подтверждают, не сомневаясь, свое значение, насколько позволяют им их методы.

И исследования, и результаты естественных наук являются не произведением абстрактного наблюдения и экспериментирования, как будто говорят только наблюдаемые и рассмотренные реальности; а лишь вся полнота переживаемых этапов и восхождений, сложившаяся в непрерывности истории, дает естествоиспытателям высокий уровень и широту их созерцания и мышления, чтобы так проводить наблюдения и подвергать сомнению, так комбинировать и делать выводы.

Это же относится к спекулятивным наукам.

Ибо все помысли и желания, всякое творчество, всякое воление и умение людей возникают (§ 6) — по форме всегда, по материалу большей частью — из тех прожитых этапов и разработок; исследовать их непрерывность есть задача истории.

§ 95

Наша наука не претендует на то, чтобы метод ее исследования был единственным научным методом. Она довольствуется тем, что в своем изложении результатов исследования дает не более того, что относится к ее сфере исследования и что позволяют ей ее методы.

И если она осознает, что она уже не может — или еще не может — удовлетворительно ответить на многие вопросы в ее сферах, то она тем более поостережется выдавать то, что она дает, за большее, чем оно есть и может быть: насколько возможно достоверно разработанное и прагматически развитое представление о вещах, которые были настоящим и действительностью в недалеких ли, давних или незапамятных временах и которые еще живы и продолжают жить только в представлении людей.

Примечания

- ¹ Бэкон (*Bacon*) Фрэнсис (1561–1626).
- ² Идолы театра, рода, площади, пещеры (*лат.*).
- ³ Политическое благоразумие и способность к истолкованию (*др.-греч.*).
- ⁴ Боден (*Bodin*) Жан (1530–1596), французский правовед и публицист.
- ⁵ Положительная философия (*франц.*).
- ⁶ Шефле (*Schäffle*) Альберт (1831–1903), немецкий экономист.
- ⁷ То, ради чего осуществляется движение (*др.-греч.*).
- ⁸ Благородной патиной (*лат.*).
- ⁹ Румор (*Rumor*) Карл Дитрих (1785–1843), немецкий историк искусства.
- ¹⁰ Против чужеземца (врага) должна быть полнота власти (*лат.*).
- ¹¹ Тебя венчаю митрой и венцом (*итал.*, пер. М.Лозинского).
- ¹² Держа факел, они будут передавать его друг другу (*др.-греч.*).
- ¹³ То, что причастно к вечному и божественному (*др.-греч.*).
- ¹⁴ «Он не был свет, но *был послан*, чтобы свидетельствовать о Свете» (Иоанн I, 8).